

Фальшивые отношения похожи на улитку, ползущую по тонкому льду: один неверный шаг — и хрупкая поверхность мгновенно треснет.

Их мнимое медовое путешествие, которого они, пусть и притворно, ждали почти неделю, казалось, закончилось в первый же день.

Фу Гэ планировал после обеда подняться с Ци Ханем на гору Гэньнэшэнь, а если повезёт, увидеть по дороге Голубое ледниковое озеро. Вечером они хотели поставить палатку на вершине и немного посмотреть на закат.

А Ци Хань подготовил стопку книг на немецком языке, чтобы, как в старые времена, обнять его, укрыть тёплым пледом и читать вслух уютные сказки на ночь.

Но все эти красивые мечты разбились об одну-единственную фразу.

Когда они вышли из закуской, настроение Фу Гэ уже было на грани срыва. Ци Хань заметил, как он упорно избегает встречаться с ним взглядом и беспрестанно грызёт большой палец.

Хотя ногти уже были обрезаны почти до мяса, Фу Гэ бессознательно продолжал терзать пальцы, нажимать и ковырять, будто вовсе не ощущая боли. Кожа вокруг ногтей покраснела и даже слегка кровоточила.

Его мазохистская привычка снова дала о себе знать — особенно после того, как ненависть к альфе достигла предела, а притворяться счастливым партнёром приходилось всё так же.

— Брат, давай вернёмся в отель. Кажется, у меня начало горной болезни, — предложил Ци Хань, улыбаясь как можно мягче. — Завтра сходим на прогулку, ты ведь так хотел покататься на лошадях. Отдохнёшь хорошенько — будут силы.

Фу Гэ сразу же вытащил палец изо рта и, не раздумывая, кивнул:

— Хорошо, если тебе плохо, лучше отдохни.

На его виске вздулись тонкие жилки, кадык нервно двигался вверх-вниз, и Ци Хань прекрасно понимал, что тот с трудом сдерживает приступ тошноты.

— Тогда, может, снимем две комнаты? — осторожно продолжил альфа. — У меня вечером будет пятичасовое видеосовещание, я не хочу мешать твоему отдыху.

Фу Гэ удивлённо поднял глаза, и Ци Хань поспешно соорудил виноватую мину:

— Как только закончу, сразу приду к тебе.

Маленький бета даже не заподозрил подвоха:

— Ладно.

Ци Хань проводил его до номера, быстро закинул чемодан, взял пару вещей для переодевания и ушёл.

Их одежда изначально была сложена в один чемодан, ведь «влюблённые на медовом месяце» должны были делить одну комнату. Но альфа знал, что ему нельзя оставаться надолго. Фу Гэ слишком долго сдерживался и вот-вот должен был сорваться.

Как только дверь за ним закрылась, Фу Гэ бросился в ванную. Он даже не успел поднять крышку унитаза и рухнул на колени, изрыгая всё, что съел за обед: баранину, лепёшки, сладкий чай и конфеты с ячменём.

Удушливый запах желчи и кислого привкуса разлился по ванной, стены как будто нависли, давя и не давая дышать. Фу Гэ смотрел на эту грязную мешанину и вдруг почувствовал, что сам ничуть не лучше.

Всю оставшуюся часть дня он не выходил из номера. Укутался в одеяло и заснул мёртвым сном, пока не проснулся около двух или трёх ночи.

Только он включил телефон, как тут же посыпались сообщения от Ци Ханя — одно за другим. Альфа спрашивал, не хочет ли он поужинать, как он себя чувствует, всё ли в порядке.

Фу Гэ не ответил ни на одно.

Он включил маленькую прикроватную лампу и долго сидел на кровати, уставившись в одну точку. Тело было обнажённым, простыни прохладными, но он словно бы ничего не замечал.

Потом неожиданно открыл ящик тумбочки и достал оттуда пачку сигарет.

Тонкие женские сигареты в нежно-розовой упаковке, всего двенадцать штук. Фу Гэ вытащил их все, аккуратно разложил в два ряда и одну за другой прикурил.

А затем, чуть повернув кисть, прижал дымящиеся кончики к своему бедру.

— А-а... —

Тихий вскрик сорвался с губ.

Ярко-алые огоньки жгли кожу, оставляя обугленные чёрные следы. Запах палёной плоти и табачного дыма разносился по комнате, и Фу Гэ сдерживал дыхание, кусая губы до крови.

Острые обломки боли впивались в тело, отвлекая от внутренней пустоты, от удушающего чувства бессилия.

Он опустил глаза на багровеющие ожоги, и губы тронула горькая усмешка.

— Твоё «прости» ничего не изменит, А Хань. Так что не доставай меня...

Острая боль взорвалась в коре головного мозга, прокатилась по каждому нерву, словно огненная волна, доходя до самых кончиков пальцев. Маленький бета запрокинул голову, тихие стоны срывались с губ, а капли пота стекали по вискам, скользя вниз к изящному кадыку.

Фу Гэ, содрогаясь, обхватил дрожащими руками бедро, выронил обожжённые сигареты на пол. В воздухе стоял удушливый запах палёной кожи и табака. Жгучая боль, наконец, вернула ему хоть каплю здравого смысла.

— Продолжай улыбаться, — лежащий на кровати Фу Гэ уставился в потолок пустым взглядом и процедил, медленно и холодно: — Завтра ещё надо играть роль влюблённого на медовом месяце...

Заезд на лошадях был назначен на вечер. Солнце уже садилось, и облака, словно полупрозрачная вуаль, укрывали вершины горы Гэньнэшэнь.

Фу Гэ специально для этого дня заплёл тибетские косы.

Местная девушка нашла несколько цветных лент, вплела их в его грязно-розовые волосы и собрала косы высоко на макушке, открывая лоб и подчёркивая утончённые черты лица.

Тихий, нежный мальчик вдруг обрёл дерзкую юношескую смелость. Его глаза искрились, как птичьи крылья, застывшие на ветке.

— Ты красивее цветка гэлсан, — с восхищением заметила девушка.

Фу Гэ лишь безразлично усмехнулся:

— Красивая внешность — самое бесполезное, что только может быть.

Он легко ступил в стремена, резким движением вскочил в седло, крепко сжал поводья тонкими пальцами, и в ту же секунду — сильный рывок.

Громкий ржание пронзило воздух, голова коня взметнулась вверх, грива развевалась в такт ветру. Фу Гэ отклонился назад почти горизонтально, косы свисали вниз, а блестящие украшения издавали мелодичный перезвон.

Над ним низко пролетел орёл, внезапно взмыл в небо, расправив крылья навстречу оранжевым облакам.

Этот момент застыл в объективе Ци Ханя.

Он словно обезумел, хотел бы повернуть время вспять на пять лет, чтобы ничего из этого не случилось. Чтобы Фу Гэ снова был тем беспечным мальчишкой на спине лошади, с дерзким взглядом, который мог потревожить своим присутствием сами снежные вершины.

— А Хань, подожди меня десять минут! — маленький бета обернулся, легко взмахнул хлыстом и весело крикнул: — Сегодня первое место будет моим, мистер Медведь!

— Хорошо.

Ци Хань опёрся спиной о ствол дерева, не отрывая взгляда от объектива, ловил каждый миг, каждый поворот головы и взмах волос. Он знал, что не имеет права больше надеяться ни на что. Но сердце сжималось от ожидания: вдруг Фу Гэ всё же выиграет для него тот тёмно-синий хада?

— Нервничаешь, да? — рядом остановился молодой тибетец, тоже кого-то ждал у финиша. Он протянул Ци Ханю флягу с кумысом: — Попробуй. Я сам приготовил, пара глотков — и уже не так страшно.

Ци Хань не стал отказываться, отпил немного, чувствуя терпкий привкус.

— Ты тоже ждёшь любимого? Если я правильно помню, у вас тут есть обычай — выигрывать хада для того, кого любишь.

Парень смущённо улыбнулся:

— Это мой омега. Мы ещё не... не вместе. Он просто настоял, чтобы я ждал его здесь, у финиша. Совсем безумец.

Омегам, особенно тем, кто послабее, редко удавалось обогнать высоких и сильных ханцев, но это смелое упрямство всегда вызывало уважение.

Ци Хань поднял флягу и снова сделал глоток:

— Желаю вам счастья.

И в тот момент ему вдруг стало почти до боли ясно: сколько бы он ни пытался что-то изменить, ни одного из тех сломанных кусочков прошлого уже не собрать.

— Таши Дэлек! Желаю счастья тебе и твоему любимому! — молодой тибетец расхохотался, хлопнул Ци Ханя по плечу.

Улыбка Ци Ханя застыла, не дойдя до глаз:

— Может быть...

Прошло чуть больше десяти минут, и заезд подошёл к концу.

Фу Гэ, как и ожидалось, пришёл первым.

Только вот хада в его руках был уже не тёмно-синим, а ослепительно белым.

Шаги Ци Ханя замедлились, он склонил голову и постарался скрыть нахлынувшую горечь. Как бы ни саднило внутри, лицо оставалось непроницаемо спокойным. Он изобразил радостную улыбку и направился к Фу Гэ.

Маленького бету тут же окружила толпа, а среди них и та самая девушка, что помогала ему заплетать косы.

Она смело протянула ему хада, предлагая обменяться.

Это был местный обычай — знак признания чувств. Если принять хада и обменяться, значит, ты отвечаешь взаимностью.

И почему-то в этот миг Ци Хань вдруг понял, что не сможет сделать ни шага вперёд. Ноги будто приросли к земле.

— Ты правда меня не помнишь? — девушка подвела свою лошадь ближе, легонько коснулась его стремени своим. — Я ждала тебя столько лет.

Фу Гэ застыл на мгновение, а потом будто что-то вспомнил:

— Пять лет назад... тот заезд. Ты была... четвёртой, да?

Девушка радостно рассмеялась:

— Да! Ты тогда сказал, что я самая красивая и смелая девушка, которую ты когда-либо встречал. Но отказал мне, потому что у тебя уже был муж.

Фу Гэ замер на секунду, и горькая усмешка дрогнула на губах:

— Не муж... тогда у меня был... парень.

Ну, если это вообще можно было назвать «парнем».

— Не женаты, значит? — девушка с надеждой вскинула глаза.

Фу Гэ чуть улыбнулся:

— Не получилось...

Её брови тут же сдвинулись к переносице, взгляд стал строгим:

— Ты плохо жил эти годы, правда?

Фу Гэ удивлённо поднял глаза, а затем устало вздохнул:

— С чего ты это взяла?

Девушка говорила на китайском не слишком уверенно, но её прозрачные глаза светились искренним участием и жалостью.

— Ты был как орёл, а теперь... твои крылья сломаны, и ты больше не можешь летать, — её голос дрогнул, словно она сама чуть не плакала.

— Ты всё равно не примешь мой хада, да? — она опустила голову, стараясь сдержать слёзы. — Тогда я пришла четвёртой, получила только белый хада. В этом году я заняла третье место, и они согласились дать мне синий. Я помню, это твой любимый цвет.

Фу Гэ застыл, широко распахнув глаза, словно не верил услышанному.

Потом вдруг мягко шагнул вперёд и аккуратно заправил выбившуюся прядь за её ухо.

— Я... такой человек, как я... я не достоин твоих чистых чувств, — его голос прозвучал глухо и безжизненно. — Не жди меня больше. Пять лет — это слишком много. Потрать их на то, чтобы полюбить себя. Хорошо?

Глаза девушки моментально наполнились слезами, она отчаянно всхлипнула и упрямо спросила:

— А ты? Ты тоже будешь любить себя?

С её точки зрения, Фу Гэ совсем не дорожил собой. Человек, который умеет любить себя, не мог бы смотреть такими мёртвыми глазами.

Маленький бета лишь тихо усмехнулся, развернул в руках белый хада и осторожно повязал его ей на шею. Голос прозвучал почти шёпотом, едва слышно:

— Я выбрал путь, с которого уже не свернуть. Даже если меня раздавит в пыль, даже если вдруг повезёт и всё обернётся к лучшему — я не пожалею.

— Тогда я желаю тебе удачи, — прошептала девушка, глядя ему вслед.

Фу Гэ немного подумал и тихо сказал:

— Нет... Пожелай мне только уйти чисто, без лишних уз и сожалений.

Ци Хань, притаившийся за деревом, не мог слышать их разговор. Он видел лишь, как Фу Гэ бережно надел белый хадак на шею девушки, и его пальцы крепче сжали камеру. Ци Хань молча отступил в тень.

Они встретились далеко от финиша.

Фу Гэ всё ещё сидел верхом и выглядел немного неловко:

— Хада... больше нет.

— Ничего страшного. — Ци Хань легко вскочил в седло, устраиваясь позади него. — Просто покатай меня один круг.

Он вспомнил, как пять лет назад Фу Гэ, только выиграв заезд, помчался прямо к нему, резко поднял на лошадь и, не дав опомниться, унёс вдаль.

Они мчались против ветра, догоняя лучи заката, пока не достигли самого края горы.

Теперь всё было наоборот: Ци Хань вёз его, а маленький бета даже не пытался подгонять лошадь.

— Ты ведь видел её, да? Ту девушку... — Фу Гэ вдруг заговорил, когда они добрались до вершины.

— Да, помню её. Пять лет назад она первой призналась тебе, — мягко ответил Ци Хань.

— Ты помнишь? — Фу Гэ удивлённо обернулся. Сам он ничего об этом не помнил.

Ци Хань тихо улыбнулся:

— Помню. Помню всё, что было в тот день, всех людей, каждую мелочь.

Неизвестно, было ли это правда горной болезнью или просто болью от воспоминаний, но Ци Хань вдруг ощутил, как его дыхание становится тяжёлым. Нос и глаза саднило, а в желудке всё будто переворачивалось.

Но он не хотел терять ни секунды из этих редких моментов, потому, как ни странно, продолжал говорить, лишь бы не выдавать своего состояния.

— Тогда мы ездили не на эту гору, а на соседнюю, — почти шёпотом напомнил он. — На закате солнце ложилось золотым светом, твои волосы все светились оранжевым... очень красиво было.

Фу Гэ лишь небрежно буркнул в ответ:

— Угу.

Ци Хань, сглотнув, прижал ладонь к горлу, пытаясь справиться с острой нехваткой воздуха. Казалось, что воздух становился всё плотнее, сжимался кольцом вокруг груди.

— Это было в июле, ещё... не холодно было. Мы тогда поставили палатку у реки, и твоя первая временная метка... — он запнулся, голос дрогнул. — Это было твоё требование как награда...

— Ци Хань. — Голос Фу Гэ внезапно прозвучал холодно. — Почему ты всё время пытаешься вернуть меня в прошлое? Ты правда так сильно хочешь снова оказаться пять лет назад?

Альфа заморгал в растерянности, не сразу осознав смысл вопроса.

— Да... даже во сне хочу...

— А я не хочу, — голос Фу Гэ прозвучал резко, он дёрнул поводья, заставляя лошадь остановиться. — Вернуться в то время, чтобы ты опять сделал со мной всё то же самое?

— Нет! Брат, я не хотел... я не это имел в виду! — Ци Хань судорожно обхватил его за плечи, но руки дрожали.

— Слезь, — бросил Фу Гэ, голос ледяной, как ветер с горных вершин.

Ци Хань побледнел:

— Фу Гэ, пожалуйста, я не...

— Я сказал, слезь! — Фу Гэ почти выкрикнул это, резко обернувшись, и глаза его горели холодной яростью.

Альфа прикрыл ладонью живот, быстро заморгал, пытаясь скрыть острую боль:

— Хорошо...

Он почти свалился с лошади, и только в последний момент смог опереться на землю, чтобы не рухнуть совсем.

Фу Гэ даже не посмотрел в его сторону. Резко развернув лошадь, он тут же направился вниз по тропе.

Небо над Литангом темнело стремительно. Ветер на вершине горы дул навстречу, так что Фу Гэ не заметил и не услышал, как, едва он уехал, Ци Хань резко согнулся пополам и рухнул на колени, судорожно хватая ртом воздух.

Казалось, что вокруг мгновенно исчез весь кислород. Горло словно залило мокрой ватой, каждый вдох давался с таким трудом, будто кто-то плотно заткнул дыхательные пути. Альфа, опираясь на руки, судорожно бил себя по груди, но не мог вдохнуть ни глотка воздуха.

Пока лицо не стало багрово-синеватым, он не сразу понял, что происходит. Пальцы дрожали, когда он отдёрнул полы одежды и увидел под ней бесчисленные багровые пятна.

Аллергия.

Когда и как он мог подхватить аллерген, было непонятно. Сегодня он даже не притрагивался к

грецким орехам. Но раздумывать было некогда — воздух становился всё более разреженным, и сердце колотилось в панике.

На высокогорье аллергическая реакция особенно опасна: разреженный воздух только сильнее сдавливает лёгкие, не давая сделать ни одного полноценного вдоха.

Ци Хань ощущал, как дыхание становится всё слабее, а сердце будто вырывается из груди, каждый удар отдавался оглушающей болью.

Собрав остатки сил, он дрожащими пальцами вытащил телефон и позвонил Фу Гэ.

Гудки тянулись бесконечно. На третьем звонке связь оборвалась, и раздался холодный голос:

— Фу Гэ... п-помоги... — альфа едва смог выдать из себя эти слова, голос сорвался на шёпот.
— Спаси...

— Не доставай меня. — Голос Фу Гэ прозвучал резко и отстранённо.

Связь оборвалась.

Ци Хань замер, телефон так и остался в поднятой руке, а глаза бессмысленно устремились куда-то вниз, туда, где склоны горы тонули в сгущающейся тьме.

Пальцы судорожно сжали телефон. В ушах стоял оглушающий гул, а лёгкие обжигало от недостатка воздуха. Пятна перед глазами расплывались, и Ци Хань, оседая, медленно завалился на бок.